

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1992 г.

PASSIO SANCTORUM QUATTUOR
CORONATORUM AUCTORE PORPHIRIO

PASSIO SANCTI QUIRINI EPISCOPI
ET MARTYRIS SISCIAE IN PANNONIA

PASSIO SANCTI FLORIANI

МУЧЕНИЧЕСТВО ЧЕТЫРЕХ СВЯТЫХ
ВЕНЦЕНОСНЫХ, НАПИСАННОЕ ПОРФИРИЕМ

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО КВИРИНА,
ЕПИСКОПА СИСКИИ В ПАННОНИИ

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО ФЛОРИАНА

Перевод с латинского, вступительная статья
и комментарии Ю.К. Колосовскрй

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Произведения агиографии принадлежат к особому жанру позднеантичной литературы. Они возникли в совершенно определенный исторический период, когда в корне изменились социальные и культурные отношения в римском обществе, повлекшие за собой перемену в мировоззрении человека и в его общественной психологии. Появилась особая, агиографическая литература, посвященная описанию жизни святого или его мученической смерти. Появление такой литературы было откликом общества на эпоху гонений на христиан, особенно значительных в конце III — начале IV в. В ее основе лежало христианское учение об искупительной жертве Христа и его мученической смерти. Сочинения

агиографии отличает высокая жертвенная мораль человека, когда был найден духовный смысл жизни, и вместе с тем человек вступает в противоречие и с государством, и с его религией и моралью и жизнь его заканчивается добровольной мученической смертью за имя Христа. Произведения агиографии нашли свое признание и в обществе и в церкви.

Деяния святых и их мученические кончины вводят нас в круг вопросов духовной жизни человека того времени, когда его нравственные убеждения чаще всего раскрывались в религии и морали. Появившееся тогда в литературе слово «мученик» (*martyr*) имеет особое значение: оно означает человека, добровольно принявшего на себя мученическую смерть за имя Христа, в отличие от исповедников, которые также подвергались гонениям, но, претерпев многие мучения, они сохранили жизнь. Деяния мучеников составлены примерно по одному и тому же плану: захват мученика властями, суд у наместника провинции, признание того, что он является христианином, изложение учения Христа и почему Христос есть истинный Бог, наложение на него оков и заключение в тюрьму, исповедание веры, чудо в тюрьме, пытки и мученическая смерть.

Судебные процессы против христиан следовали определенному порядку. Обычно наместник задавал мученику вопросы: как его имя, отчество или город, свободный он или раб. Отвергая эти формальности, мученик нередко заявлял что он — христианин и этим все сказано и его отчеством является небесный Иерусалим. День смерти мученика считался днем его рождения для жизни вечной. На его могиле ежегодно справлялись поминальные службы. Возникшие на основе этих легенд песнопения исполнялись церковью в том городе, из которого происходил мученик или где он был объявлен патроном¹. Для прославления святого чудеса стали необходимым условием этой литературы. Рассказы о святых вошли в известное многотомное издание — *Acta Sanctorum*, где «Деяния мучеников» (*Acta Martyrum*) составляют немалую его часть. Сотни таких «Деяний» были составлены в IV—V вв. Так, церковь Карфагена насчитывала 86 таких свидетельств.

Самые ранние легенды восходят ко II в., большинство — к III в., легенды IV—V вв. принадлежат последним векам существования империи. Они сохранились в средневековых рукописях VIII—XV вв., так что перед нами источник в сущности средневековый и не столько исторический, сколько литературный, написанный на языке, далеко отстоявшем от классической латыни времени Цицерона или Цезаря. Датировка таких произведений очень сложна: когда именно то или иное событие произошло, записано ли оно по воспоминаниям других лиц, современниками или очевидцами событий, представляет ли оно собой вымысел агиографа, что дает этот источник для изучения собственно истории — ответить на все эти вопросы бывает очень трудно: решение зависит и от склонностей исследователя и от общей направленности самой агиографии, создавшей, как известно, многовековую традицию. Без использования такой традиции и прежде всего исследований Ип. Делае² и многих других было бы невозможно подойти к решению этой темы.

Основой агиографических произведений, вокруг которых разворачиваются все другие действия, являются события исторического характера. Установлено, и здесь огромная заслуга принадлежит Ип. Делае, что агиография использовала исторические источники, а также данные устной традиции. К числу источников исторических принадлежат судебные хроники, анналы, памятные события эпохи, биографии и раннехристианские надписи, к числу источников устных — рассказы очевидцев и современников событий, которые бытовали в христианской среде. Недостаток сведений заставлял агиографа прибегать к домыслам и измышле-

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

² Delehaye H. Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1955; *idem*. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1966; *idem*. Les origines du culte des Martyrs. Bruxelles, 1933; *idem*. Etudes sur le légendier romain. Bruxelles, 1933 и др.

ниям, которые казались созвучными его эпохе и его мировоззрению, и описать события так, чтобы они были интересны и понятны слушателям или читателям легенды. В руках агиографа иногда были только фрагменты давно произошедшего события: нахождение тела святого; день его рождения для жизни вечной, его могила, посещаемая странниками. Слова или отдельные выражения, сказанные некогда мучеником во время слушания процесса, часто оказывались достаточными для агиографа, чтобы приступить к жизнеописанию и рассказать о подвигах святых мучеников. Приступая к написанию жития, агиограф стоял перед проблемой источников — следовать письменной традиции, сохраненной в римской судебной практике, не всегда ему доступной, или устной, бытовавшей в народе и лежавшей, так сказать, совсем рядом. Недостаток данных в легенде был ошутим уже в древности. Так, карфагенский епископ Киприан, погибший во время гонений Валериана в 258 г., советовал своему клиру запоминать день смерти мучеников и исповедников³. Недостающие детали часто восполнялись измышлениями агиографа, что стало обычной практикой в легендах Средневековья, нередко составленных искусственно. Включение в рассказ животных, птиц и природы, а также благочестивой женщины — все они действуют «по благодати Божией» — превращало средневековые легенды в сказки⁴.

Агиографические легенды следуют реальным событиям — гонениям императоров на христиан, но облачают они своих героев в религиозные рамки христианской морали. Они дают лишь некую гарантию историчности событий и в большей своей части принадлежат к народной литературе⁵. Эти особенности агиографии заставляют исследователя вычлнить в легенде реальное, историческое зерно и отделить это зерно от вымысла. Упоминание в тексте такого источника имен императоров, в правление которого произошло то или иное гонение, императорских указов о преследовании христиан, названий провинций или городов, имен наместников дают основания использовать агиографию в качестве источника исторического. Агиография ценна также тем, что она содержит множество бытовых деталей для характеристики позднеримского общества.

В агиографических легендах вокруг мучеников группируется большой круг людей — император, наместник провинции, воины, палачи, а также зрители и очевидцы происходящего. Всем им отведена определенная роль в легенде: главное место в ее развитии принадлежит мученику и наместнику провинции, оба они исполняют прямо противоположные роли. Мученику надлежит прославить своей добровольной мученической смертью Иисуса Христа. На протяжении легенды мученик доказывает истинность веры; Христос — есть Бог единый и истинный; его учение верно и непогрешимо, и своей смертью мученик приносит жертву Христу, следуя его скорбному пути, отрицая все ценности прежнего мира.

Мученику противостоит наместник, олицетворяя собой императорскую власть. В его руках находится высшая военная и гражданская власть во всей провинции. Ему надлежит заботиться о том, чтобы в вверенной ему провинции все было мирно и спокойно (Dig. 1, 18, 6). Исполнение императорских указов находится непосредственно в его ведении. Лица, уклоняющиеся от их исполнения, подлежат аресту. Если они упорствовали, то дело поступало в канцелярию наместника и велось лично им самим или штатом его администрации.

Теперь ему предстоит вести процессы против христиан. Христиане же обвинялись по нескольким пунктам — правовым, религиозным и политическим. Как не выполнившие распоряжения императора о принесении жертв государственным

³ Августин упоминает, что в его время в Карфагене существовала базилика Св. Киприана: см. *Аврелий Августин. Исповедь*. М., 1991. С. 133 (издание подготовил А.А. Столяров); *Федосик В.А. Киприан и античное христианство*. Минск, 1991; *Delehaye. Les origines du culte...* P. 34—35.

⁴ *Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры*. М., 1981; *Он же. Категории средневековой культуры*. М., 1984; *Даркевич В.П. Народная культура Средневековья*. М., 1988.

⁵ *Delehaye. Les légendes hagiographiques*. P. 209.

богам Рима — Юпитеру, Юноне и Минерве, они подлежали суду. Невыполнение этого распоряжения значило умаление достоинства императорской власти, ибо в руках императора находилась не только высшая политическая власть, но и религиозная, так как он имел права великого понтифика. Отказ от выполнения указа рассматривался как обвинение в оскорблении величия Римского народа, давно уже перенесенного на императора, и его невыполнение было выражением нелояльности гражданина к императору и его власти⁶. Христиане, как упорствующие принести жертвы государственным богам и признававшиеся публично, что они — христиане, т.е. следуют религии запрещенной и преследуемой правительством, подлежали аресту, бичеванию и затем казни.

Процессы против христиан развешивались вокруг того, как убедить христиан — добровольно или силой — принести жертвы государственным богам. И здесь большая роль принадлежит наместнику, ибо он как судья процесса заставляет мученика принести жертвы богам и в ответ получает безразличные к его приказам слова: «делай, что тебе приказано» или «делай, что тебе предписано, меня это не касается». Мученики «с великой радостью и полным ликованием» узнавали об ожидавшей их судьбе и казни. Иногда согласно легенде в увещаниях наместника высказывается обещание — сделать мученика, если он принесет жертвы богам, верховным жрецом Юпитера, Зевса или Аполлона. Мученики отказываются. Эти примеры вводятся в легенду для того, чтобы еще больше оттенить величие христианской религии и прославить мученический подвиг. Так, в споре наместника с епископом Квирином Аманций обещает Квирину жреческий сан Юпитера, если он принесет жертвы богам. Квирином отказывается. Сюжет с Квирином, возможно, был заимствован агиографом у Тацита. Как известно, Пет Тразея вскрыл себе вены, чтобы избежать казни от императора Нерона: «Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю» (Tacit. Ann. XV. 35). Сходная мысль звучит в этой легенде: «Если уже сейчас я выполняю поистине жреческие обязанности, то, конечно, я становлюсь жрецом, ибо я самого себя приношу в жертву истинному Богу».

Агиограф намеренно вводит в легенду образ жестокого наместника, который непреклонно вершит суд над христианами, что является моральным осуждением императорской власти и самого наместника, поскольку в провинции он выступает как лицо, представляющее его власть. Некоторые из наместников, действовавших в Норике и Паннонии, как Проб, Максим, Аманций, Аквилин, возможно, не были реальными лицами, хотя их *connomina*, Проб Максим, широко распространенные в кельто-иллирийских землях, были вставлены в легенду не случайно и с определенной целью⁷. Некоторые из наместников, как наместник Проконсульской Африки Аннулин, известный во времена гонений при Диоклетиане, стал синонимом палача для христиан, погибших и ранее. Не только в Африке, но и в Италии, в Медиолане и Анконе во времена Нерона, Валериана и Галлиена Аннулин выступает как жестокий гонитель христиан в легендах, относящихся к более раннему периоду, но составленных позднее, в IV—V веках⁸.

Общая деталь агиографических рассказов — пристальное внимание агиографа к пыткам и казням мучеников, которые происходят по приказу наместника и совершают их воины и палачи. Казнь и пытки христиан, поражающие нас своей жестокостью, были обычным явлением в глазах римлян. Римское правосудие, в зависимости от тяжести преступления, приговаривало обвиняемых к казни на кресте, сожжению и обезглавливанию. Лица, совершающие магические действия, астрологические предсказания и гадания, подлежали наказанию вплоть до сожжения заживо (Paul. Sent. V.15.3; V.21. 1—4) Для подстрекателя

⁶ Преображенский П. Ф. В мире античных идей и образов. М., 1965. С. 235 слл.; Федосик. Ук. соч. С. 103 слл.

⁷ Автор надеется посвятить этому сюжету отдельную статью.

⁸ Delehaye. Les légendes hagiographiques. P. 23.

похищения молодой женщины устанавливалась следующая казнь: ему вливался в горло расплавленный свинец; у доносчика вырывался язык (Cod. Theod. X.10.2). Законы против христиан были не менее жестокими. Во времена Диоклетиана мучеников сбрасывали в реку с мельничным жерновом на шею. Так что жестокость по отношению к христианам была особенностью эпохи.

В агиографических легендах звучат идеи, часто присутствовавшие в античных романах⁹. Дстойное поведение человека, жажда духовной свободы, которую не может унижить никакое физическое насилие, была близка агиографической литературе. Добровольный выбор своей судьбы — смерть или бесчестие — человеком, оказавшимся в неблагоприятных условиях перед лицом императора, был понятен христианам. Такие имена, как имена сенаторов-стоиков — Пета Тразеи или Гельвидия Приска, были знакомы авторам агиографических произведений. Известные слова Веспасиана, обращенные Гельвидию Приску, и его ответ императору («твое — убить, мое — умереть без трепета»¹⁰) часто находят параллели в словах мучеников перед судом наместника: «Делай, что тебе предписано, меня это не касается».

Особенно близок был христианам Эпиктет. Христианские авторы ставили его философское учение и мораль очень высоко. Эпиктетом была провозглашена причастность каждого человека к Богу, ибо живущий в человеке дух — есть Бог. Боги дали нам во власть не внешнее — тело, имущество, близких, жизнь, но способность свободного выбора и отказа. Надо терпеливо ждать, пока Бог не призовет нас к себе. Бог посылает нас и отзывает к себе не тогда, когда это нужно людям, но тогда, когда это нужно целому¹¹. Христианам импонировало высокое духовное начало, позволявшее им умирать без страха и содрогания пред римским императором.

Но в отличие от античного романа, который давал образец свободы и поведения условного человека, агиографические произведения отражали события реальной жизни и реального человека, вдвинутые в определенные исторические и литературные рамки времени преследования христиан. Культ святых мучеников был некой трансформацией культа античных богов и героев, но отличие состояло в том, что героями этого культа оказались не мифические лица, но простые смертные, современники событий, добровольно избравшие путь мученичества и объединенные общей религиозной идеей — верой в Христа. В произведениях агиографии была взята одна сторона жизни человека, чрезвычайно важная, а именно — религиозная и нравственная. Эта литература пронизана одной мыслью — мученик страдает вместе с Христом и своим мученичеством он уподобляется Христу в надежде заслужить желанный удел мученика. Только добровольная мученическая смерть давала христианину удел мученика. Это было самое тесное слияние мученика с Христом, ибо Христос сам страдал и умер мученической смертью.

Для агиографии характерно введение в литературу понятия умиления или елейности. Слезный дар, расположение к слезам оценивается как высокий духовный дар в христианских общинах¹². Упоение мученичеством и дар слезный были одной из черт этой эпохи. Они родились вместе с христианством и получили признание в этой литературе. В легендах звучит чувство безграничной любви к Богу, испрашиваемое в молитвах. И слезный дар, и добровольное мученичество, и осиянный свет — все эти компоненты присутствуют в агиографии. В образе стражника Марцелла, который со слезами (*cum lacrimis*) просил

⁹ *Илюшечкин В.Н.* Отражение социальной психологии низов в античных романах // *Культура древнего Рима*. Т. II, М., 1985. С. 93.

¹⁰ *Беседы Эпиктета*. Перевод Г.А. Тароняна // *ВДИ*. 1975. № 2. С. 215.

¹¹ *Штаерман Е.М.* Эпиктет и его место в римском стоицизме // *ВДИ*. 1975. № 2. С. 201, 205; она же. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 110 слл.

¹² *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью // *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976. С. 38 сл.

Квирина крестить его, звучит высокий духовный порыв. И появившийся в темнице яркий свет, когда Квирин должен был крестить Марцелла, был предугаданием предстоящего события. Тот же высокий порыв охватывает и Симплиция, когда он просит епископа Кирилла крестить его в темнице.

И вместе с тем агиографические легенды несут на себе отчетливую печать античности, Интерес агиографа к античным сюжетам замечен почти на всех легендах. В них присутствуют античные боги, которых было предложено почитать мученикам и которых христиане отрицали как «богов ложных». Так, в легенде о четырех паннонских святых, на которой я останавливалась отдельно¹³, образ императора Диоклетиана дан не в традиционных красках времени его гонений, оставивших глубокий след в христианской традиции. Внимание агиографа обращено на благородную страсть императора — Диоклетиан одержим жадной строить языческие храмы. Работающие в руднике по добыче гранита заняты изваянием языческих богов — статуи бога Солнца, статуи Асклепия, т.е. они заняты изготовлением «ложных богов», что было несовместимо и противно учению христиан.

Присутствующее в легендах обвинение христиан в магии также заимствовано от античного мира. Обвинение в магии грозило смертью и воспринималось как покушение на здоровье и жизнь императора. Оно выдвигается в легенде тогда, когда исчерпаны все средства, чтобы заставить христиан принести жертвы богам. Обвинение в магии явилось последним и решающим шагом и в судьбе мучеников из Паннонии. Работающие в руднике кричали (*clamaverunt omnes*) и требовали от судьи, чтобы ради здоровья императора были изгнаны нечестивцы и маги (*Per salutem piissimi caesaris, tolle sacrilegos, tolle magos*). Весь рассказ построен в излюбленной для античности форме диалога: вопросы задают философы, ответы дают художники-скульпторы (квадратарии).

Мысли и чувства мучеников обращены к Богу, которому они приносят жертвы самим собой. Они просят остаться наедине с Богом, прежде чем быть сброшенными с моста. Квирин, несмотря на мельничный жернов, повешенный ему на шею, долго молился и держался на воде, разговаривая со стоявшими на мосту людьми. Ненавистные языческие боги и храмы должны быть разрушены по молитве к Богу, чтобы сильное землетрясение уничтожило языческие храмы и опрокинуло языческие идола. Небесный гром и божье наказание обрушиваются на тех, кто причастен к казни мучеников и творит свои несправедливые дела. Так, трибун Лампадий, который вел суд над паннонскими святыми, внезапно с трибунала был «похищен» демоном и испустил дух.

Величие христианского учения звучит в легендах постоянно. Их авторам кажется, что стоит людям только проникновенно прочитать заповеди Христа, как тотчас же они уверуют. Одна и та же тема повторяется в этих легендах: Иисус Христос — наш Господь; Он — повелитель всех людей и вершитель всего происходящего в мире; Он — сын Божий, родившийся от Святого Духа и Девы Марии; на него мы полагаем все свои надежды и ничего не начинаем делать без молитвы, обращенной к Богу; свет исходит от Иисуса Христа и сам Христос — есть истинный свет; во тьме обретается тот, кто не познал Христа; тот свет, который освещает всех людей, приходящих в этот мир, свет истинный, и там нет никакой тьмы.

Чтобы подкрепить действенность легенды, в нее вводятся фразы из Евангелий, Деяний Апостолов, Псалмов Давида. Обращение к авторитету Библии усиливало воздействие этих легенд.

Агиография получила большое распространение в Византии и стала излюбленным жанром и византийской и средневековой литературы¹⁴. Язык агиографии —

¹³ Колосовская Ю.К. Агиографический источник по истории Паннонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 45 слл.

¹⁴ Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 218 слл.; Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

греческий или латинский — свидетельствует о том, что эта литература возникла в лоне античной культуры. Ее особенности состояли в том, что жития и мученичества святых, записанные или бытовавшие устно, излагались анонимно и обычно переписывались в христианских общинах; авторство ценилось очень мало. Легенды отличает неперемное желание раствориться в среде единомыслия, где все были равны по вере и где каждого мог ожидать мученический удел. Это христианское братство, объединенное в общины, называет себя общиной верных (*fidelis*) или братьев (*fratres*). Ближайшей аудиторией агиографа были члены христианской общины, для которой он отважился на этот труд¹⁵.

Списывание и переписывание деяний мучеников упрощало их изложение, вводились новые, фантастические детали, усложняя датировку. Эти особенности более всего отличают легенды Средневековья. Средневековые легенды далеко отошли от античности, но в них присутствуют некоторые черты ее культуры. Форма рассказа в виде диалога между наместником и христианином была заимствована от античности. Сам язык легенды — латинский — служит ярким примером преемственности и связи обеих культур — античной и средневековой¹⁶. Легенда о блаженном и святом мученике Флориане возникла именно таким образом. Ее основой послужили события в Норике, когда в 303 г. произошло гонение на христиан, но написана она была много позднее, в конце VIII в., монахом архиепископства Пассау¹⁷. В одном из более поздних вариантов легенды Флориан превратился в тевтонского воина, занятого на императорской службе на востоке Баварии. Не избежала превращения и легенда о Квирине. В одной из разукрашенных в средние века легенд Квириин был назван сыном императора Филиппа Араба. В XII в. легенда о нем была дополнена сообщением о перенесении его останков с Аппиевой дороги в церковь Святой Марии за Тибром.

В сравнении с позднеантичными легендами легенда о Флориане показывает, как изменился язык легенды и упростился стиль ее изложения и сам сюжет, какое большое внимание обращено на чудеса. Акцент на чудеса и ожидание чудес, как общая черта позднеримской литературы, получил особое признание в средневековых легендах. Преднаменование невероятных, чудесных событий в будущем явилось вторжением в мир человека нереальных для смертного событий, но возможных по воле Бога и творимых Иисусом Христом¹⁸. Так, в Древней Руси было признано, что при открытии мошей святого совершалось три чуда: глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит¹⁹.

Позднеантичные легенды дошли до нас в средневековых рукописях, переписанные в монастырях и монастырских скрипториях. Они датируются временем от VIII до XV в. и происходят из многих крупных библиотек и монастырей Европы. Так, рукопись о четырех паннонских святых была впервые издана в 1480 г. в Милане известным итальянским гуманистом Момбрицием²⁰. Вместе с Сурием Момбриций издал и рукопись о мученичестве Квирина. Долгое время рукопись о четырех святых венценосных не привлекала внимания исследователей. Лишь во второй половине XIX в. эту рукопись издал и дал ее толкование Дж.Б. де Росси. Трижды издал эту рукопись В. Ваттенбах в Вене (1853),

¹⁵ *Ключевский*. Ук. соч. С. 369 сл., 412.

¹⁶ *Уколова В.И.* «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992, № 1. С. 105, 107 сл., 117.

¹⁷ *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicarum. III. Hannoverae. 1896. P. 65—71; Krusch В.* Florian und sein Stift. Ein Beitrag zur Passauer Bistumsgeschichte // *Neue Archiv Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover und Leipzig, 1903. Bd 28. Ht 2—3. S. 339 ff.*

¹⁸ *Свенцицкая И.С.* Возникновение раннехристианской литературы // *Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 17, 42—43.*

¹⁹ *Ключевский*. Ук. соч. С. 423—424; *Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.

²⁰ *Eis Gerhard.* Die Quellen für das Sanctuarium des Mailänder Humanisten Boninus Mombricitus. В., 1933. S. 43—44, 97—98.

Лейпциге (1870) и Берлине (1896) и датировал ее VIII—XII вв., указав, что события, о которых повествуют легенды, принадлежат времени Диоклетиана и относится она к римской провинции Паннонии. Усилия ученых прошлого века были направлены на то, чтобы уточнить датировку легенды, установить время и место ее действия, соотнести последовательность событий, отметив поэтическое звучание легенды. В издании *Acta Sanctorum* источник был издан Ип. Делайе.

Агиографические произведения не были рассчитаны на успех римской толпы, ибо сюжеты таких рассказов были интересны лишь в христианской среде. И тем не менее, будучи литературой в сущности запрещенной, она вышла за рамки христианских общин и получила признание в языческой среде. В агиографической литературе была сосредоточена сама идея о духовной свободе, отстаивая которую люди шли добровольно на смерть. Эта идея была близка и созвучна учению стоиков: о бренности человеческой жизни, о неотступной смерти, венчающей ее конец, о смертном часе, который надлежало встретить достойно, как подобает мудрецам. И в этом была поэзия мученических страданий. «Мученичество» и «мученик» были своеобразным явлением духовной жизни и неотъемлемым атрибутом христианства, той спасительной жертвой, в награду за которую человек обретает бессмертие²¹. Рассказы о мучениках — пассионы — отличали высокие этические нормы, свойственные литературе, рожденной эпохой гонений. Она имела огромное культурное и нравственное значение для римского общества и получила широкое признание в эпоху Средневековья.

* * *

Перевод «Деяний святых мучеников» сделан по изданиям: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicarum. Tomus III. Hannoverae, 1896* и *Acta Sanctorum quotquot tote orbe coluntur, vel a Catholicis scriptoribus celebrantur collegit Ioannes Bollandus etc; — Acta Sanctorum. Novembris, tomus III. Bruxellis, 1910; Acta Sanctorum. Junii, tomus I. Parisiis et Romae, 1867; Acta Sanctorum. Maii, tomus I. Parisiis et Romae. 1866*. Использовано также издание: *Noll R. Frühes Christentum in Österreich. Wien, 1954*, где приведен латинский текст легенды о Флориане и ее немецкий перевод.

Я искренне благодарю В.М. Смирину и Д.Е. Афиногенова, посмотревших переводы и сделавших ряд замечаний.

²¹ Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981. С. 143—146.